

Татяна Холоднова

Сердце шута

A woman with long blonde braided hair, wearing a gold crown and a blue velvet gown with gold embroidery, is dancing with a man. The man has white curly hair, a black jester's hat with a pom-pom, and a black velvet outfit with a gold medallion and leather gloves with gold bells. They are in a grand, ornate hall with a large golden throne in the background.

Татьяна Холоднова

Сердце шута

«Автор»

2026

Холоднова Т.

Сердце шута / Т. Холоднова — «Автор», 2026

Захватывающая история, где холодные стены замков скрывают горячие тайны. Эпоха дворцовых переворотов и жестоких интриг становится фоном для запретной любви, способной разрушить империи. Здесь нет места слабости: каждый взгляд — вызов, каждое прикосновение — риск. Читателя ждёт полное погружение в страсти того времени, где любовь опаснее кинжала, а предательство ходит по пятам. Готовы ли вы узнать, чем придётся заплатить за счастье?

© Холоднова Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Татьяна Холоднова

Сердце шута

Глава 1

Тронный зал тонул в напряжённом полумраке. Даже десятки свечей в серебряных канделябрах не могли пробить всю густоту тьмы, окутавшую это мрачное, завешанное гобеленами место. Будто от самих стен шёл запах ладана, воска и чего-то ещё...

Липкого, неприятного. Страха.

Принцесса Елизавета стояла справа от трона, прокручивая в голове слова её покойной матери, которые жили с ней с шести лет.

«Не сутулься, милая Лиззи. Стой ровно. Что бы не происходило - не подавай виду. Подними подбородок. Милая, не нужно так часто моргать! Смотри вперёд.»

Девушке было девятнадцать лет. Невысокий рост никогда не являлся поводом для насмешек при дворе - кто посмеет смеяться над единственной дочерью короля Ричарда? Светлые волосы, отливающие золотом в свете свечей, были туго заплетены в косу, уложенную короной. Её служанка Мира хорошо постаралась этим утром, но всё же пару прядей выскальзывали из под диадемы и это было самое честное во всей её строгой идеальности.

Елизавета не моргая смотрела на факел. Ей казалось, что как только моргнёт - заплачет. Плакать нельзя. Её статус не позволяет проявлять какие либо чувства, даже если очень больно.

Старый король величественно восседал на тяжёлом, массивном троне из дерева. Трон отлично отражает характер его хозяина, который был твёрдым, властным и решительным человеком. При дворе его все побаивались, так как он одним своим указом мог лишить человека чего угодно, даже жизни.

Выражение его лица было мрачнее тучи. Седина поблёскивала в сиянии свечей, а в задумчивых серых глазах читалась усталость.

Наконец король встал и откашлялся, привлекая внимание присутствующих.

- Мои лорды и леди, - начал он слишком ровным голосом. - На севере наших земель происходит мятеж. Вольные лорды отказываются платить короне. Увы, с тяжким грузом на душе, я вам сообщаю - армия истощена. Казна требует непростых решений.

По спине Елизаветы пробежал холодок. Она начала понимать, к чему ведёт её отец.

И тут мягкий вкрадчивый голос перебил правителя:

- Если позволите, Ваше Величество, - советник короля, Артур Кейл, вышел из тени.

Высокий, худой мужчина средних лет с крючковатым носом и залысинами был одет в синий бархатный камзол с серебряной вышивкой. На правой руке сиял перстень, который он постоянно крутил, когда нервничал. Улыбка на его лице говорила о чуть ли не праздничном моменте, будто он был счастлив первым сообщить важную новость.

- Возможно я осмелюсь сообщить о... О решении?

Король устало кивнул.

— Лорд Эдвард Мун, — произнёс Артур, и имя это повисло в воздухе. — Человек с огромной армией и... Амбициями. Он предложил свою помощь для казны и свою армию в обмен на... — Советик повернулся к Елизавете, и на его лице расцвела улыбка, не достигшая глаз. — В обмен на руку вашей дочери, принцессы Елизаветы.

Зал начал активно перешёптываться, и звук вокруг стал напоминать гул растревоженного улья. Елизавета, как обладательница и без того бледной кожи, заметно стала ещё бледнее.

— Это было бы мудро, — продолжил Артур, крутя кольцо на пальце. — Лорд Мун — человек чести. Его армия усмирит мятеж за неделю. А принцесса... — он сделал паузу, обвёл взглядом зал. — Принцесса станет великой герцогиней. Разве не этого мы все желаем?

Глаза цвета зимнего неба так и молили, «нет, только не это, я не хочу», но девушка стояла неподвижно, будто была сделана из камня.

И тогда раздался смех.

Не громкий, не грубый — тихий, ленивый, с хрипотцой и с ноткой искреннего восхищения.

— Браво, Ваше Величество! Браво!

Все обернулись. На перилах балкона, свесившись вниз, сидел Марк.

Ему было двадцать пять лет, но глаза его были измождёнными, усталыми. Зелёными — яркими, как у хищника. И разными: левый — цвета молодой листвы, светлый, почти янтарный; правый — тёмно-изумрудный, почти чёрный в полумраке зала. Этот диссонанс делало его лицо одновременно красивым и тревожным, как у человека, который смотрит на мир двумя разными взглядами и видит две разные правды.

Лицо — худое, с высокими скулами и тонкими губами, которые сейчас были растянуты в широкой, фальшивой улыбке. На нём был шутовской наряд — лоскутный, пёстрый, нелепый: красный, жёлтый, зелёный, синий — все цвета радуги, сшитые вместе, как насмешка над порядком. Тёмные кудрявые волосы закрывал колпак с тремя рожками, на концах которых звенели бубенцы. Волосы были не длинные, но отличительной чертой была седая вьющаяся прядь спереди. На запястье — манжета с бубенцами.

Марк спрыгнул с балкона, приземлившись бесшумно, как человек, который привык двигаться тихо. Но когда его сапоги коснулись пола, он поднял правую руку — ту, что с манжетой бубенцов — и щёлкнул пальцами.

Бубенцы звякнули — коротко, резко, как удар хлыста.

«Бубенцы», — подумала девушка. «Он щёлкает ими перед тем, как сказать что-то злое. Как будто это предупреждение.»

— Какая стратегия! Какой размах! — продолжил он громче. — Продать собственную кровь за пару тысяч мечей — это надо уметь. Я бы аплодировал, но у меня руки заняты — вот, держу ваш позор. Тяжёлый, зараза.

Зал оцепенел. Стража дёрнулась к копьям. Король побагровел от ярости.

— Шут, — прорычал он. — Не забывайся.

Марк повернулся к королю. Его правая рука снова поднялась — и щёлкнула. Бубенцы звякнули.

— Я всегда забываюсь, Ваше величество, — произнёс он с нарочито преувеличенной вежливостью. Его левая рука — та, что без бубенцов — скользнула к шее, пальцы нащупали монету и тот начал её крутить. — В этом моя работа. Зато я никогда не вру.

Он обвёл взглядом зал, и его разные глаза остановились на Артуре. Его правая рука снова поднялась — щёлк. Бубенцы звякнули.

— Лорд Мун. Великий человек. Армия у него огромная. И чуел животых — коллекция. Говорят, у него их больше, чем в лесу. И, что любопытно, жён у него было три, а вот в живых... — он задумчиво почесал подбородок, не переставая крутить монету. — В живых, кажется, ни одной. Но это же мелочи быта, верно?

Кто-то нервно хихикнул. Потом ещё кто-то. Истеричный смех пошёл волной по залу. Елизавета не смеялась.

Она пристально смотрела на Марка. Он заметил это — конечно, заметил, он всё замечал, это была его работа. На мгновение его маска — нарисованная улыбка, румяна на щеках — дрогнула. Он ожидал слёз. Гнева. Истерики. Всего, что делало принцессу принцессой в глазах толпы.

Но она смотрела на него так, будто видела его насквозь. Без страха. Без осуждения. Её голубые глаза были сухими. В них не было ни слёз, ни гнева.

Марк сглотнул. Впервые за вечер ему не хотелось шутить. Ему впервые стало противно от своего злого чувства юмора. Шут сжал монету так сильно, что побелели костяшки. Напоминание о том, кем он был до того, как стал посмешищем. До того, как надел этот нелепый наряд и научился использовать бубенцы как оружие — потому что звук их был слишком похож на звук цепей, которыми связали его отца. На звук, который он слышал перед тем, как толпа начала кричать.

Он щёлкнул бубенцами — щёлк — как будто хотел заглушить воспоминание.

— Ваше Высочество, — произнёс он тише, со злой умешкой в голосе. — Вам не смешно?

Елизавета молчала. Она медленно, очень медленно покачала головой. Будто одним жестом говорила «Нет. Мне не смешно. Мне никогда не было смешно. И тебе, я думаю, тоже.»

Марк отвернулся.

— Ну что ж, — громко объявил он, снова надевая маску. — Раз невесте не до смеха, предлагаю всем разойтись. Завтра будут большие приготовления. Свадьба — она такая... окончательная.

Двери тронного зала закрылись за её спиной с глухим стуком. Елизавета не пошла в свои покои. Она свернула в узкий коридор — туда, где свет факелов дрожал на холодном камне, а эхо шагов казалось почти зловещим

Девушка чувствовала полное разочарование из-за своей беспомощности. Она устала. Фальшивые сочувствия, шёпот за спиной. Она хотела просто дойти до своей комнаты, запереться и не видеть никого до утра. Просто забыть этот несчастливый день. Но у поворота к старой библиотеке она наткнулась на него.

Марк шёл навстречу, размахивая руками и насвистывая какую-то мелодию. Бубенцы на запястье тихо позвякивали в такт шагам — дзынь, дзынь, дзынь. Он не замедлил шаг. Не развернулся. Просто шёл, будто коридор принадлежал только ему.

Елизавета остановилась. Он тоже.

Они смотрели друг на друга. Без интереса. Без вражды. Просто два человека, которые не хотели уступать дорогу.

— С дороги, — сказала она без эмоций.

Марк не пошевелился. Его глаза — смотрели на неё с ленивым интересом, как на препятствие, которое не стоит обходить.

— Сначала вы, Ваше Высочество, — произнёс он холодно. — Вы же принцесса. Вам положено идти первой.

— Я и не принцесса, — сказала она. — Я товар. Ты сам это сказал. Так что уступи дорогу товару. Дело очень важное, товар ценный, надо беречь.

Марк вздрогнул от неожиданности. Обычно принцессы либо плакали, либо кричали, либо убегали. Эта просто стояла и смотрела на него, как на надоедливую муху.

— Хм, — произнёс он. — Вы правы. Товару положено идти первым. На рынок. Или в постель. Куда именно вас отправят — решит ваш отец.

Внутри принцессы стала закипать ярость. Но внешне она казалась не возмутимой.

Он шагнул в сторону, освобождая путь. Но не поклонился. Просто отступил, как делают, когда пропускают кого-то, кто не стоит уважения.

Елизавета прошла мимо. Но на полпути остановилась.

— Перестань, — сказала она. Не оборачиваясь. — Перестань бить по больному.

Марк замер. Бубенцы на его запястье дёрнулись — щёлк. Звук был резким, как удар хлыста.

— Простите? — в его голосе появилась ледяная вежливость. — Я лишь развлекаю двор. Моя работа — говорить то, что все думают, но боятся произнести. Если вам больно возможно, стоит не слушать?

Елизавета обернулась. Её голубые глаза были сухими. В них не было ни слёз, ни гнева. Только холодное, деловое требование.

— Мне не больно, — сказала она. — Мне плевать на твои шутки. Но ты переходишь дорогу. Каждый раз, когда ты открываешь рот, ты напоминаешь мне, что я в клетке. И это раздражает.

Марк смотрел на неё. Его пальцы крутили монету на шее — быстро, нервно.

— Тогда не слушай, — произнёс он. — Закрой уши. Закрой глаза. Делай то, что делала в тронном зале — молчи и терпи. Это же твоя работа, нет?

— Моя работа — помогать королевству, — сказала она. — А твоя — не мешать мне. Так вот что: не рань меня. Не используй меня как мишень. Не напоминай мне о том, что я уже знаю. И я не буду напоминать тебе о том, что ты прячешь.

Марк замер. Бубенцы замолкли. Впервые за всё время.

Он смотрел на неё. Не как на принцессу. Не как на товар. Как на человека, который только что поставил условие. Не умолял. Не угрожал. Просто констатировал факт.

— А что я прячу? — тихо спросил он.

Елизавета обратила внимание на его руку: на монету, которую он сжимал так крепко, что побелели костяшки пальцев. На шнурок, врезавшийся в кожу шеи. На бубенцы, спрятанные в складках рукава.

— Не знаю, — сказала она. — Но ты прячешь. И я не буду спрашивать. Если ты не будешь мне мешать.

Марк молчал. Его взгляд остановился на ней, и в глазах появилось что-то необычное. Это не была симпатия или интерес. Скорее, это было признание. Казалось, он впервые увидел человека, который не играл в его игру, не притворялся.

— Договорились, — он произнес это тихо, без щелчка и без какого-либо ритуала. — Я не буду тебя ранить. Если ты не будешь меня жалеть.

— Я не собираюсь, — сказала она. — Мне плевать на тебя так же, как тебе на меня.

— Отлично, — он усмехнулся. Но в этот раз — без злобы. Просто устало. — Тогда мы поладим.

Он отошёл в сторону, пропуская её. На этот раз — с поклоном. Не униженным и не насмешливым, а просто вежливым жестом, который говорил: "Я тебя услышал".

Елизавета прошла мимо. Она не обернулась. Но на полпути к своей комнате она поняла, что впервые за день её руки не дрожали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.